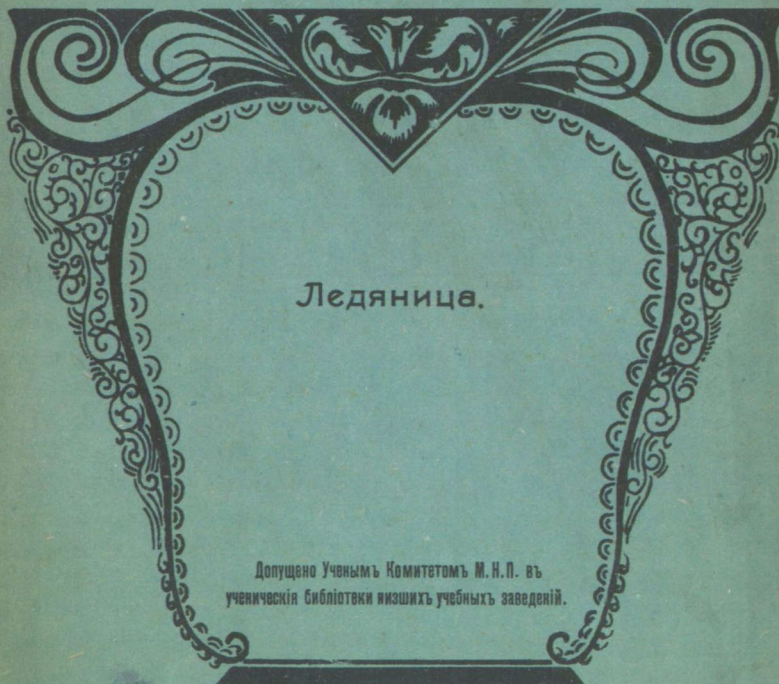

СКАЗКИ АНДЕРСЕНА

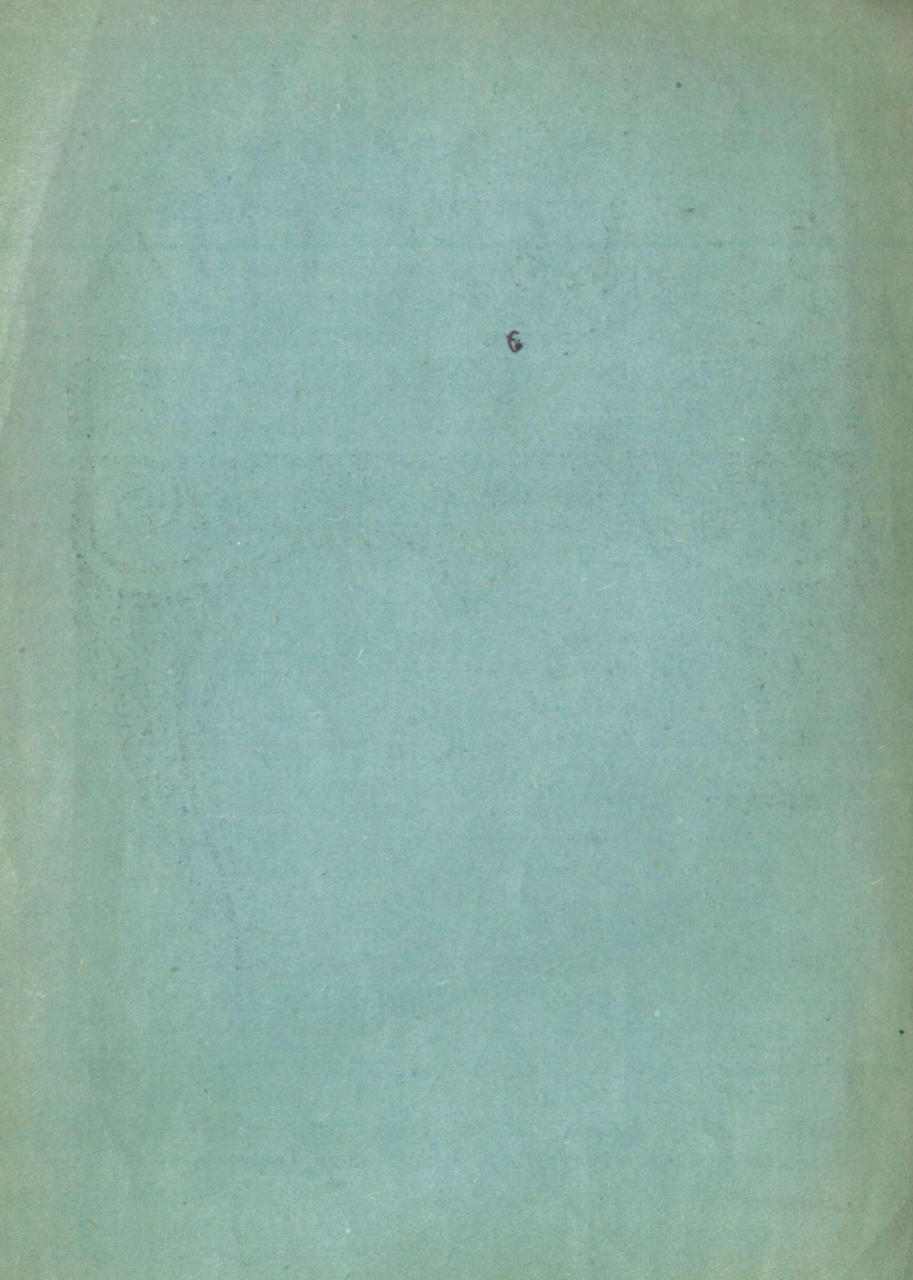

Ледяница.

Допущено Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. въ
ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

1918.

ИЗДАНИЕ І. КНЕБЕЛЬ. МОСКВА.

Ледяница.

I.

Маленькій Руди.

Что может быть лучше Швейцаріи съ ея могучими горными хребтами, покрытыми бѣлымъ чистымъ снѣгомъ и окаймленными внизу зелеными лѣсами? Много тайнъ, много грустныхъ, таинственныхъ легендъ погребено въ ея бездонныхъ ледяныхъ пропастьяхъ.

— Слышишь этотъ страшный, издалека несущійся гулъ, отражаемый гулкимъ эхомъ? Это лавина! Она несется съ горы, и нѣтъ такой силы, которая могла бы остановить ее! Она все ломаетъ, все сокрушаетъ на своемъ пути и все увлекаетъ съ собою въ пропасть. Чу! Снова шумъ! Снова лавина!

А глетчеры — эти сверкающія ледяныя громады, спаяныя солнцемъ! Какъ хороши они! Недаромъ путешественники такъ любятъ осматривать ихъ, не даромъ они устремляются цѣлыми толпами въ тѣ части Швейцаріи, гдѣ ихъ можно видѣть.

Такимъ излюбленнымъ мѣстомъ для путешественниковъ служилъ нѣсколько времени тому назадъ городокъ Гриндельвальдъ, лежащій въ утесистой лощинѣ подь Веттергорномъ.

Тамъ было два чудныхъ глетчера, но чтобы увидѣть ихъ, нужно было подняться на высокую гору. Туда вела крутая горная дорога, по обѣимъ сторонамъ которой стояли маленькіе деревянные домики.

Обитатели этихъ домиковъ въ свободное время занимались рѣзбой изъ дерева различныхъ вещицъ. А маленькія дѣти, которыхъ довольно-таки было въ каждомъ домикѣ, каждый день выносили эти вещицы на дорогу, соблазняя ими путешественниковъ и прекрасныхъ путешественницъ.

Обыкновенно, они накидывались на свою жертву цѣлой гурьбой, стараясь перебить другъ у друга покупателя. Но въ то время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, можно было довольно часто видѣть маленькаго мальчика, стоящаго въ сторонѣ отъ другихъ. Онъ никогда не предлагалъ своихъ вещицъ, напротивъ, онъ такъ крѣпко сжималъ ихъ своими ручонками, точно ему страшно жалко было расстаться съ ними. При этомъ его большіе глаза глядѣли такъ сердито на всякаго подходящаго къ нему, что еще больше укрѣпляли каждого въ этомъ мнѣніи. Но именно все это, и то, что онъ былъ такъ малъ, и въ то же время такъ серьезенъ, и то, что онъ держался совсѣмъ особо, обезпечивало ему наилучшій сбытъ его маленькаго товара.

Покончивъ съ своей торговлей, мальчуганъ обыкновенно быстро взбирался по крутой тропинкѣ въ горы, гдѣ стоялъ домикъ его дѣда. Вѣдь, маленькій Руди, такъ звали мальчика, не особенно долбобливалъ торговое дѣло.

Ему несравненно пріятнѣе было лазить по горамъ со своими козами. И если хорошъ тотъ пастухъ, который гоняетъ своихъ козъ по самымъ крутымъ скаламъ, то Руди былъ очень хорошимъ пастухомъ. Онъ умѣлъ лазить даже выше козъ! Это очень хорошо знали всѣ сосѣднія птицы. Какъ бы высоко ни свили онѣ свое гнѣздо, Руди всегда умѣлъ добратъ-ся до него.

И это нисколько не удивительно, такъ какъ его училъ лазить старый котъ дѣда.

— Полѣземъ-ка съ тобой на крышу! — часто говорили онъ Руди, ласково и нѣсколько снисходительно, какъ говорятъ большіе съ дѣтьми. И Руди прекрасно понималъ языкъ кота, какъ и вообще всѣ дѣти легко понимаютъ языкъ животныхъ.

— Лѣземъ на крышу! — повторялъ котъ. — Люди думаютъ, что можно свалиться съ крыши. Это чистѣйшая выдумка! Никогда не свалишься, если только не будешь бояться этого! Вотъ главное правило! Ну, смѣлѣе! Одну лапку сюда! Такъ! Другую такъ! Вотъ видишь, ничего не можетъ быть легче! Ну, теперь дальше!

И такъ они частенько лазили по крышамъ и деревьямъ. А въ результатъ маленький Руди лазилъ, ей-Богу, не хуже кота.

По крайней мѣрѣ, онъ частенько забирался на такія скалы, куда котъ не рѣшался слѣдовать за нимъ.

— Выше, выше! — говорили ему тогда ползучія травы и кустарники. И Руди лѣзъ выше. Солнце грѣло его, и онъ полной грудью цилъ свѣжій горный воздухъ.

— Мы и вы! Вы и мы! — щебетали ласточки, кружась около него. Онъ приносили ему обыкновенно поклонъ отъ стараго дѣда и отъ старой собаки Айолы, которая была такъ стара, что не могла бѣгать за нимъ.

Тогда Руди вспоминалъ свой домикъ и возвращался туда. Онъ очень любилъ своего стараго дѣда, любилъ сидѣть возлѣ него и слушать его рассказы про старые годы.

Онъ выросъ на рукахъ у него и всю свою маленькую жизнь прожилъ вдвоемъ съ нимъ. Его отецъ былъ почтаремъ и жилъ по ту сторону горъ въ Валлійскомъ кантонѣ. Руди еще не было и году, какъ онъ умеръ. Тогда мать Руди взяла ребенка на руки и въ сопровожденіи двухъ охотниковъ отправилась черезъ горы къ своему отцу, т.-е. къ тому дѣдушкѣ, у котораго теперь жилъ Руди.

Они уже были около самаго Гриндельвальда; имъ оста-

валось только перейти большой глетчеръ. Быстро двинулись они черезъ него по только что выпавшему снѣжку.

Но вдругъ молодая женщина слегка вскрикнула и быстро, безшумно провалилась куда-то. Когда проводники, доставъ въ ближайшей деревнѣ веревки и колья, вытащили ее, она была уже холодна, какъ ледъ. Но ребенокъ еще подавалъ слабые признаки жизни, и его удалось спасти.

Однако, съ тѣхъ поръ никто не видалъ на его лицѣ улыбки.

— Глетчеръ отнялъ у Руди его мать и его дѣтскую радость, — говорилъ про него старый дѣдъ, къ которому теперь попалъ мальчикъ.

А люди, видя его всегда серьезное лицо, шопотомъ говорили другъ другу:

— Его поцѣловала Ледяница!

Но ты, можетъ быть, ничего не слыхалъ про Ледяницу? Слушай!

Словно гигантскій, остановившійся на мѣстѣ водопадъ, громоздится глетчеръ своими зелеными стеклянными глыбами льда. Эти глыбы лѣзутъ другъ на друга, висятъ одна надъ другой.

А въ глубинѣ реветъ и съ неудержимой силой мчится внизъ гигантскій потокъ, подмывая эти глыбы и унося ихъ. Тамъ всюду стеклянные гроты, пещеры съ причудливо изогнутыми сводами, съ зелеными ледяными колоннами.

А вотъ и чудный стеклянный дворецъ! Въ немъ живетъ Ледяница—царица глетчеровъ.

Ледяница, которая губить и убиваетъ все на своемъ пути,—на половину дитя воздуха, наполовину могучая повелительница водъ.

Точно окрыленная, быстрѣ серны, возносится она на самыя крутыя вершины, куда смѣльчаки изъ смѣльчаковъ идутъ не прежде, чѣмъ прорубивъ во льду ступеньки.

На тонкомъ еловомъ сучкѣ носится она по бурнымъ вол-

намъ потока, и ея бѣлоснѣжные волосы, ея зелено-голубыя одежды мерцають въ воздухѣ, какъ воды бездонныхъ швейцарскихъ озеръ.

— Давить! Уничтожать! — гремитъ Ледяница.

— У меня украли маленькаго мальчика. Я цѣловала его, но не успѣла зацѣловать до смерти. И вотъ онъ опять среди людей! Высоко въ горы лѣзетъ онъ со своими козами и хочеть влѣзть выше всѣхъ другихъ! Онъ не уйдетъ отъ меня, онъ будетъ мой, я верну его!

И она призываетъ къ себѣ Головокруженіе, которое тотчасъ является на зовъ своей повелительницы. И вмѣстѣ съ нимъ приходятъ три его сестры, а всѣхъ ихъ у него безчисленное множество.

И всѣ онѣ безпрекословно повинуются малѣйшему знаку царицы Ледяницы. По ея мановенію онѣ губять людей, низвергая ихъ въ пропасти.

И некуда спастись отъ нихъ—онѣ проникають всюду! Онѣ сидятъ на перекладинахъ лѣстницы, на зубцахъ башенъ! Онѣ заманивають свою жертву на самый край утесовъ и скаль и здѣсь хватають ее, словно спруты своими щупальцами!

И имъ Ледяница приказываетъ поймать и погубить Руди.

— Да, какъ же, поймаешь его! — возражаетъ Головокруженіе. — Этотъ проклятый котъ научилъ его всѣмъ своимъ штукамъ! Въ немъ сидитъ какая-то сила, съ которой я ничего не могу подѣлать. Ужъ я ли не подстерегало его на краю утесовъ, когда онъ лазить тамъ со своими козами! Какъ мнѣ хотѣлось пощекотать его подъ мышками, когда онъ качается на какомъ-нибудь суку надъ пропастью! Мнѣ самому надоѣлъ этотъ мальчишка, а ничего не могу сдѣлать съ нимъ!

— Мы поймаемъ его! — гремитъ Ледяница. — Мы поймаемъ! Ты или я! Ты или я! Я! я! я!

— Никогда! Никогда! — словно нѣжный звонъ колокольчиковъ проносится въ горномъ воздухѣ.

Это поютъ дочери солнечныхъ лучей, добрые, нѣжные духи. Каждый вечеръ спускаются онѣ на вершины Альпъ, и кружатся тамъ, махая своими розовыми крылышками. И эти крылышки тихо пламенѣютъ, освѣщая вершины розовымъ свѣтомъ; и тогда кажется, что Альпы горятъ какимъ-то особымъ нѣжнымъ заревомъ. Люди называютъ ихъ «Альпійское зарево».

Когда солнце уйдетъ, онѣ прячутся въ снѣжномъ покровѣ горъ и дремлютъ тамъ до слѣдующаго утра. Но первый лучъ солнца будитъ ихъ, и онѣ снова появляются на вершинахъ.

— Никогда вамъ не побѣдитъ его! — пѣли онѣ, и ихъ нѣжные голоса тихо звенѣли въ вечернемъ воздухѣ.

— Ого! — гремѣла Ледяница. — Я побѣждала многихъ и сильнѣе!

— Ты можешь схватить! Но тебѣ не удержать его! Никогда! Никогда! — замирая, звенѣли голоса.

И каждое утро дочери солнечныхъ лучей проникали въ домъ стараго дѣдушки и осыпали своими нѣжными поцѣлуями лицо спящаго мальчика. Онѣ очень любили его, и имъ хотѣлось своими поцѣлуями стереть съ его души слѣды ледяныхъ поцѣлуевъ царицы глетчеровъ.

II.

Путешествіе на новую родину.

Въ Валлійскомъ кантонѣ, на родинѣ Руди, жилъ его дядя, братъ его отца. Это былъ отличный охотникъ и знаменитый проводникъ по горамъ.

И вотъ, когда Руди исполнилось восемь лѣтъ, дядя пожелалъ взять его къ себѣ. Какъ ни грустно было старому дѣду разставаться съ внукомъ и оставаться одному, но онъ долженъ былъ согласиться отдать мальчика.

Да и въ самомъ дѣлѣ, маленькій Руди долженъ же и подучиться кое-чему, а дядя былъ не только прекрасный охотникъ, но и хорошій бочаръ.

И вотъ насталъ день, когда Руди долженъ былъ покинуть Гриндельвальдъ. Какъ это было грустно!

Старый котъ весь этотъ день ходилъ надувшись, вытянувъ хвостъ трубой, а когда Руди на прощанье хотѣлъ взять его на руки, то онъ сердито вырвался и оцетинился.

— Ну, это еще что за нѣжности! — сказалъ онъ. — Ты теперь выросъ и можешь обойтись безъ меня. Полѣзай черезъ горы и помни только одно: никогда не упадешь, если не будешь бояться упасть. Прощай!

И старый котъ убѣждалъ и за бился такъ, что его рѣшительно невозможно было найти.

А козы толпой обступили Руди и жалобно блеяли:—«Бэ! Бэ! Бэ!» Просто хотъ плачь!

Только однѣ куры равнодушно отнеслись къ отбѣзду Руди.

— Ты слышала, Руди ѣдетъ за горы?—говорила одна курица другой.

— Ну и Богъ съ нимъ! Ужъ навѣрно онъ свернетъ себѣ гдѣ-нибудь голову. Туда ему и дорога!

И это все, что сказали куры. Онѣ не любили мальчика.

А ласточки—такъ тѣ далеко проводили Руди и все время щебетали: — Мы и вы! Вы и мы!

Руди шелъ въ сопровожденіи двухъ здоровенныхъ охотниковъ. Въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ они предлагали мальчику руку. Но онъ гордо встряхивалъ своей головой и быстро лѣзъ выше.

И вотъ уже передъ ними Юнгфрау, Монть Эйгеръ. Руди никогда не бывалъ прежде такъ высоко. Кругомъ него разстилалось сплошное снѣжное море. Сугробы снѣга лежали другъ на другѣ, напоминая застывшія морскія волны. Снѣгъ

ярко блестя въ своей сверкающей бѣлизнѣ, и его свѣтъ больно рѣзалъ глаза.

А глетчеры стояли одинъ возлѣ другого, и ихъ ледяныя глыбы отражали и преломляли солнечные лучи. Здѣсь было настоящее царство Ледяницы. Здѣсь полновластно царила она, не зная соперниковъ.

Ночь путники провели въ заброшенномъ каменномъ строеніи. Тамъ они сварили себѣ ужинъ, а поужинавъ, закурили свои трубки и, усѣвшись около огня, начали мирно бесѣдовать.

Никогда еще маленькій Руди не слышалъ такихъ таинственныхъ исторій, какія поразсказали ему проводники. Все было тутъ—и чудовищные альпійскіе змѣи, водящіеся на днѣ холодныхъ горныхъ озеръ, и страшныя привидѣнія, и никому невѣдомый черный пастухъ.

Вдругъ какой-то неясный гулъ послышался вдали. Проводники вскочили и начали прислушиваться. А гулъ все приближался и по мѣрѣ приближенія разрастался въ чудовищный ревъ.

То былъ ураганъ, страшный горный ураганъ, несшійся изъ горъ въ долины. Онъ все сокрушалъ на своемъ пути; деревья ломались отъ его прикосновенія, какъ тростинки, и онъ легко перебрасывалъ ихъ съ одного мѣста въ другое.

Черезъ часъ ревъ умолкъ. Ураганъ пролетѣлъ мимо, не задѣвъ путниковъ, и они могли спокойно лечь спать.

На слѣдующее утро они пошли дальше. Солнце снова сіяло на небѣ, и снѣгъ снова отсвѣчивалъ яркимъ, рѣжущимъ блескомъ. Скоро стали показываться новые люди, да и горы начали мѣняться. Вотъ, послѣдній разъ мелькнулъ далеко позади тотъ горный хребетъ, который виденъ изъ Гриндельвальда, и исчезъ.

Передъ мальчикомъ разстилалось новое отечество.

III.

Д я д я.

Въ домѣ у дяди было много получше и поуютнѣе, чѣмъ въ хижинѣ дѣдушки. Комната была больше, и ея стѣны были украшены оленьими рогами и ярко вычищенными ружьями. Какія прекрасныя это были ружья! У Руди даже духъ замеръ отъ восторга.

А надъ самой дверью висѣлъ образъ Богородицы, украшенный альпійскими розами, и передъ нимъ постоянно горѣла лампадка.

Дядя былъ еще крѣпкій мужчина, высокаго роста, плотный, здоровый. Его жена, напротивъ, была маленькая, сухая, юркая женщина, съ длинной шеей. Она была француженка, и дядѣ очень нравилось это.

— Теперь недурно живется въ Валлійскомъ кантонѣ! — часто говариваль дядя. — А прежде здѣсь было куда какъ плохо! Весь край былъ населенъ жалкими больными крети́нами. Но вотъ пришли французы, а это отличные доктора. Они убили не только болѣзнь, но и самихъ больныхъ! О, французы великіе мастера бить. Они били по скаламъ и пробили Симплонскую дорогу, — такую дорогу, что любой трехлѣтній мальчуганъ самъ дойдетъ по ней до Италіи.

Дойдя до этого мѣста, дядя не могъ больше ничего говорить отъ наплыва энтузіазма. Тогда онъ начиналъ пѣть французскія пѣсни и кричать «Ура!» Наполеону Бонапарту.

Руди сначала все казалось страннымъ въ его новомъ домѣ. Но онъ скоро освоился, и ему все начало очень нравиться.

И еще бы не нравиться! Исполнилась его давнишняя мечта, — онъ получилъ ружье, и самъ дядя, первый охотникъ во всемъ Валлійскомъ кантонѣ, сталъ учить его стрѣлять!

Когда Руди немного подросъ, дядя сталъ брать его съ собой на охоту.

— Изъ него выйдетъ скоро чудесный охотникъ! — говорилъ дядя.

И училъ его различнымъ охотничьимъ приемамъ. Онъ поилъ его горячей кровью только что убитой серны, ибо всѣмъ въ Альпахъ извѣстно, что, кто пьетъ эту кровь, съ тѣмъ ничего не можетъ сдѣлать Головокруженіе.

Онъ училъ его, какъ нужно подбираться къ сернамъ, чтобы не спугнуть ихъ, какъ узнавать время. Онъ приучалъ его къ шуму лавинъ, къ яркому блеску горнаго снѣга.

Однажды Руди былъ съ дядей на охотѣ. Вдругъ на самомъ верху крутой скалы показалась серна; она была такъ далеко, что не было возможности убить ее съ того мѣста, гдѣ они стояли. А на скалу вѣлъ только узкій карнизъ, идущій по самому краю пропасти. Онъ былъ весь покрытъ скользкимъ снѣгомъ и сулилъ вѣрную гибель тому, кто отважится полѣзть по нему.

Но дядя былъ не такой охотникъ, чтобы это могло остановить его. Цѣпляясь за всякій камешекъ, онъ поползъ вверхъ.

И вдругъ Руди съ ужасомъ замѣтилъ, что надъ дядей вѣется громадный орелъ. Одинъ ударъ крыломъ, и дядя неминуемо полетитъ внизъ! Сердце перестало биться у Руди, но только на одно мгновеніе. Въ слѣдующую же минуту онъ взялъ ружье на прицѣлъ и приготовился выстрѣлить.

Вотъ, орелъ уже совсѣмъ надъ головой смѣльчака. Но тутъ внезапно дядя выстрѣлилъ въ серну, и грохотъ его выстрѣла отпугнулъ орла. А серна свалилась, какъ подкошенная.

Долго хохоталъ дядя, когда Руди рассказалъ ему, какой опасности онъ подвергся.

Веселые, они возвращались уже домой, какъ вдругъ надъ ихъ головами раздался страшный шумъ.

— Держись, Руди! Это лавина! Держись крѣпче! — Руди едва успѣлъ отскочить и ухватиться за дерево. Снѣжныя глыбы съ бѣшеной быстротой пронесли мимо него, ломая на своемъ пути деревья, кустарники. Верхушка того дерева,

за которое держался Руди, была сломана и отнесена въ сторону.

И когда лавина пронеслась, мальчикъ увидѣлъ въ вѣткахъ дерева исковерканный, еще теплый трупъ дяди...

Жена дяди не пролила ни одной слезы, когда блѣдный, трепещущій мальчикъ принесъ ей ужасную вѣсть. Но цѣлую ночь Руди слышалъ ея сдавленные рыданія.

— Ну, ты теперь опора дома! — сказала тетка мальчику, когда они вернулись съ кладбища.

И Руди не заставилъ ее повторять сказаннаго.

IV.

Б а б е т а .

— Кто лучший охотникъ въ Валлійскомъ кантонѣ? Это прекрасно знаютъ серны.

— Берегись Руди! — говорятъ онѣ другъ другу.

— А кто самый красивый охотникъ?

— Руди! — скажутъ тебѣ всѣ дѣвушки кантона. Но онѣ не прибавятъ при этомъ: — Берегись Руди!

И серны, и дѣвушки говорили сущую правду. Смѣлый и веселый парень былъ Руди! Его щеки были смуглы отъ загара; когда онъ улыбался, у него сверкали всѣ зубы, а его блестящіе глаза были черны, какъ угли.

Ему было уже двадцать лѣтъ. Онъ плавалъ въ ледяной водѣ, не боясь никакого холода. Какъ рыба, нырялъ и кружился онъ въ ней.

У него были прекрасные мускулы, и онъ лазилъ и прыгалъ, какъ никто другой. Онъ могъ цѣпляться за каменные стѣны. Вѣдь, его учили лазить и прыгать сначала старый котъ лѣда, а потомъ быстрые серны.

А какъ онъ танцевалъ! Всѣ дѣвушки сходили съ ума отъ желанія протанцевать съ нимъ. Но разъ во время танцевъ онъ поцѣловалъ дѣвушку, съ которой танцевалъ.

Сколько смѣху и разговоровъ было по этому поводу. А Руди на слѣдующій день и думать позабылъ объ Аннетъ — такъ звали дѣвушку, которую онъ поцѣловалъ.

Вѣдь, не она была цвѣткомъ его сердца!

Внизу, около Бенса, въ глубокой долинѣ жилъ богатый мельникъ. Его мельница была чудо какъ красива, и всякому такъ и хотѣлось нарисовать ее.

Но чего совсѣмъ нельзя было ни нарисовать, ни описать, такъ это дочку мельника—Бабету.

Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Руди. А вмѣстѣ съ тѣмъ образъ Бабеты былъ прекрасно нарисованъ въ его сердцѣ. Да еще такъ прочно нарисованъ, что ничѣмъ нельзя было смыть его оттуда.

Какъ попалъ туда этотъ образъ, Руди положительно не зналъ. Все это случилось какъ-то совсѣмъ неожиданно! Вѣрно только то, что съ нѣкоторыхъ поръ Руди всюду носилъ въ своемъ сердцѣ блескъ черныхъ глазъ хорошенькой Бабеты. А сама Бабета даже и понятія не имѣла объ этомъ.

Но это бы еще не бѣда! Скверно было то, что мельникъ былъ очень богатъ, и до него трудно было добраться.

Вотъ тутъ-то и пригодились уроки стараго кота.

— Никогда не упадешь, если только не боишься упасть.

И Руди отправился въ Бенсъ. Его тамъ ждало какое-то дѣло.

Покончивъ съ дѣлами, Руди принялся бродить по Бенсу; быть можетъ, онъ хотѣлъ встрѣтить кого-нибудь съ мельницы — не знаю. Знаю только, что онъ никого не встрѣтилъ и потому му собрался итти домой!

Пошелъ онъ почему-то мимо мельницы, хотя можно было бы пройти и другой дорогой. Дойдя до мельницы, онъ, должно быть, усталъ, потому что остановился и, прислонившись къ де-

реву, сталь глядѣть на огонекъ, свѣтившійся въ одномъ изъ оконъ.

И сердце его какъ-то грустно и вмѣстѣ съ тѣмъ радостно заняло, и на него налетѣли мысли о счастьи, о любви.

Долго стоялъ онъ такъ, не шевелясь.

— А, не робѣй! — воскликнулъ онъ, наконецъ. — Пойду и пожелаю добраго вечера мельнику и Бабетѣ. Чего бояться мнѣ? Никогда не упадешь, если только не боишься упасть.

У дверей мельницы Руди встрѣтила кошка. Выгнувъ спину, она сказала:

— Мяу! Мяу!

Если бы Руди былъ ребенкомъ, то понялъ бы, что кошка говорить ему:

— Нѣтъ дома!

Но Руди былъ уже большой теперь, и не понималъ языка животныхъ. Поэтому онъ пошелъ дальше.

— Мельника нѣтъ дома! — сказалъ ему работникъ. — Онъ вмѣстѣ съ дочерью уѣхалъ въ Интерлакенъ. Тамъ завтра начнется праздникъ стрѣлковъ. Это будетъ чудесный праздникъ—онъ продолжится восемь дней!

Бѣдный Руди! И зачѣмъ его понесло въ Бенсъ именно сегодня? Дѣло могло бы и подождать немного.

«Бабета въ Интерлакенѣ, — думалъ онъ, возвращаясь домой. — Это недалеко, если итти прямой дорогой черезъ горы. Отчего бы мнѣ и не пойти въ Интерлакенъ? Тамъ праздникъ стрѣлковъ; а я, кажется, вѣдь не худо стрѣляю. Посмотримъ, найдется ли тамъ кто-нибудь лучше меня. А по пути кстати заверну въ Гриндельвальдъ посмотрѣть на большой глетчеръ. Я не бывалъ тамъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ жилъ у дѣдушки».

И на слѣдующій день съ восходомъ солнца онъ уже шелъ черезъ горы. Легко и свободно дышалось ему; радостно и увѣренно было на сердцѣ!

Ноги несли его сами собой, и иногда онъ чувствовалъ себя дикой птицей, свободной и сильной. Нѣтъ такого мѣста, куда онъ не могъ бы забраться!

Вотъ ужъ и зеленые ледяные глыбы большого глетчера! А вонъ и горная дорога, на которой онъ, бывало, продавалъ свои рѣзные вещицы. Толпа мальчугановъ обступила его, предлагая купить что-нибудь. Одинъ изъ нихъ протягивалъ ему альпійскую розу.

«Это хороший знакъ!» подумалъ Руди и взялъ розу.

А вонъ и домъ дѣдушки, но только въ немъ жили теперь чужіе, незнакомые Руди люди. И Руди стало немножко грустно; воспоминанія нахлынули на него и на минуту вытѣснили даже изъ его сердца черные глаза Бабеты.

Но только на минуту! Вотъ онъ уже тряхнулъ головой, какъ бы отмахиваясь отъ нихъ, и легкой увѣренной походкой пошелъ дальше.

Наконецъ, и Интерлакенъ. Улицы его кишѣли толпами народа, разодѣтаго въ самые нарядные живописные костюмы. Маленькіе, точно рѣзные, деревянные домики были украшены зеленью и флагами, и весь городъ имѣлъ праздничный, веселый видъ. Казалось, даже само солнце посылало на него самые веселые, самые яркіе лучи свои.

Но больше всего шуму, веселья и оживленія около стрѣльбы въ цѣль. Трескъ выстрѣловъ, шутки, веселый женскій смѣхъ, все это сливается въ одинъ неясный праздничный гулъ.

Но кто этотъ молодой охотникъ, явившійся только на второй день праздника? У него вѣрный глазъ и твердая рука. Его выстрѣлы безъ промаха бьютъ въ самую цѣль. Всѣ лучшіе стрѣлки праздника пробовали состязаться съ нимъ, но безуспѣшно. И его превосходство настолько ясно, настолько очевидно всѣмъ, что побѣжденные даже и зависти не чувствуютъ къ нему. Весь городъ только и говорить о немъ.

Вы не изъ Валлійскаго кантона? — и тяжелая рука мель-

ника изъ Бенса опускается на плечо молодого охотника. А изъ-за спины мельника блестятъ лукавые глаза Бабеты.

И мельникъ радостно и съ гордостью пожимаетъ руку Руди. Еще бы! Приятно, что родной кантонъ выставилъ лучшаго стрѣлка.

— Но, какъ вы попали сюда? Что? Вы прошли сюда прямой дорогой черезъ горы? А шею вы не сломали себѣ?

— О, никогда не упадешь, если только не боишься упасть! — отвѣчаетъ Руди.

— Ну, ну, ладно! Толкуйте тамъ! — говоритъ мельникъ. — Однако, пойдемте, я познакомлю васъ съ своей родней.

И вотъ Руди сидитъ въ гостяхъ у родни мельника. Ему нѣсколько разъ приходится рассказывать о своемъ путешествіи черезъ горы, но это не скучно ему, такъ какъ онъ каждый разъ читаетъ въ глазахъ Бабеты вниманіе и удивленіе передъ его смѣлостью.

Всѣ пьютъ за здоровье лучшаго стрѣлка, и вмѣстѣ со всѣми пьетъ и Бабета. И сердце прыгаетъ отъ радости въ груди у Руди, и птицы поютъ въ немъ веселыя пѣсни.

А потомъ всѣ идутъ гулять, и Руди идетъ рядомъ съ Бабетой. Они идутъ и разговариваютъ другъ съ другомъ такъ просто и хорошо, какъ-будто давно уже знакомы.

Сначала Бабета рассказывала ему про себя, про то, что ея крестная мать знатная англійская леди, что ей, Бабетѣ, всего восемнадцать лѣтъ, и много, много другого.

Потомъ заговорилъ Руди, но онъ сталъ говорить что-то ужъ совсѣмъ нескладное: что онъ частенько бываетъ въ Бенсѣ, чтобы поглядѣть на нее—Бабету, что онъ разъ даже рѣшился зайти къ нимъ на мельницу, что онъ нарочно, ради нея пріѣхалъ сюда въ Интерлакенъ, и т. д., и т. д.

Бабета не знала, что отвѣчать ему на это, и была даже рада, когда пришло время прощаться.

— Прощай, Бабета! — сказалъ Руди. — Завтра я уйду домой.

— Прощай, Руди! — отвѣтила Бабета. — Приходи къ намъ въ Бенсъ. Папа будетъ радъ видѣть тебя.

V.

На возвратномъ пути.

Тяжело было Руди возвращаться назадъ по горамъ. Ему пришлось нести съ собой три серебряныхъ кубка, два прекрасныхъ ружья и еще серебряный кофейникъ въ придачу. Это все были призы, которые онъ получилъ на праздникъ.

Онъ несъ и еще одинъ призъ, но его онъ спряталъ на самомъ днѣ своего сердца.

Погода была дождливая и холодная. Все небо было покрыто свинцовыми тучами, и сѣрая мгла окутывала горы непроницаемымъ покровомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ предметы теряли свои очертанія и сливались въ одну безформенную массу.

Вдругъ Руди замѣтилъ около себя молодую дѣвушку. Онъ увидалъ ее только тогда, когда она была уже совсѣмъ рядомъ съ нимъ. Станные глаза были у этой дѣвушки; въ нихъ свѣтилась какая-то дикая сила, и они были такъ лукавы, что нельзя было вѣрить ни одному слову, которое произносили ея губы.

Но Руди сначала не замѣчалъ этого — онъ думалъ только о любви.

— У тебя есть возлюбленный? — спросилъ Руди.

— Нѣтъ! — отвѣтила дѣвушка и засмѣялась страннымъ смѣхомъ.

Нѣкоторое время они шли молча.

— Зачѣмъ мы идемъ кругомъ? — сказала дѣвушка. — Здѣсь есть прямая дорога. Иди сюда!

— Да, такъ мы прямо угодимъ въ пропасть! — со смѣхомъ возразилъ Руди. — Хорошо же ты знаешь дорогу!

Глаза дѣвушки блеснули какимъ-то особымъ холоднымъ свѣтомъ, и снова въ воздухѣ раздался ея странный смѣхъ.

— Ты знаешь, здѣсь царство Ледяницы! — снова заговорила дѣвушка. — Говорятъ, она не любитъ людей и губитъ ихъ. Здѣсь наверху нужно думать только о ней.

— Я не боюсь ея! — возразилъ Руди. — Я былъ въ ея власти, когда былъ еще маленькимъ ребенкомъ, но ей пришлось отдать меня.

— Дай руку! Я помогу тебѣ! — сказала дѣвушка, и ледяное прикосновеніе ея пальцевъ обожгло руку Руди.

Его начала сердить эта странная дѣвушка.

— Ну, мнѣ пока не нужна бабья помощь! — сердито сказал онъ и быстро пошелъ впередъ.

Странный смѣхъ снова раздался сзади него. Онъ обернулся, но тамъ никого уже не было. Только вьюга носилась въ воздухѣ, и сквозь ея завыванія слышались смѣхъ и пѣніе дѣвушки.

Они долго еще преслѣдовали Руди, то приближаясь къ нему, то отдаляясь.

«Это вѣрно кто-нибудь изъ свиты Ледяницы!» думалъ Руди и быстро подвигался впередъ. Онъ слышалъ, что такіа встрѣчи часто случаются въ горахъ.

А вьюга продолжала бушевать и заносить его снѣгомъ. Но когда онъ взобрался на самую вершину горы, небо прояснило, и въ немъ зажглись двѣ свѣтлыя звѣзды.

И Руди глядѣлъ на нихъ и думалъ о черныхъ глазахъ Бабеты.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ДѢТСКОЙ КНИГИ

ДЕТГИЗА

65567

VI.

Въ гостяхъ на мельницѣ.

— Ну, и счастье же тебѣ, Руди! — говорила старая тетка, встрѣчая племянника. — Ишь, какія славныя вещицы достались тебѣ! Дай, я поцѣлую тебя, дорогой мой!

И старая тетка радостно цѣловала своего племянника.

А его мысли были далеко, тамъ, въ глубокой долинѣ возлѣ Бенса.

«Они навѣрно уже вернулись изъ Интерлакена, — думалъ онъ. — Надо сходить туда!»

И Руди закинулъ на плечо ружье и отправился на мельницу. Его встрѣтили очень ласково. Только Бабета была, по его мнѣнію, черезчуръ молчалива, но за нее говорили ея глаза, и Руди былъ доволенъ.

Зато мельникъ былъ очень гостепріименъ. Онъ усадилъ Руди около себя и весь вечеръ разспрашивалъ его о горахъ, объ охотѣ на сернѣ.

Особенно понравился мельнику рассказъ Руди объ орлиномъ гнѣздѣ.

Это гнѣздо устроено надъ выступомъ неприступной скалы и съ узкой тропинки, идущей у подножія скалы, можно иногда видѣть въ этомъ гнѣздѣ голову молодого орленка. Одинъ англичанинъ давалъ Руди цѣлую горсть червонцевъ, если онъ достанетъ этого орленка. Но Руди отказался: скала совершенно неприступна, и всякой смѣлости есть границы!

Поздно ночью ушелъ Руди съ мельницы. Онъ посидѣлъ бы и еще, да дольше было неудобно оставаться.

Такъ, по крайней мѣрѣ, думала комнатная кошка, все время сидѣвшая подъ столомъ и внимательно слушавшая рассказы молодого охотника. Когда онъ ушелъ, она сейчасъ же убѣжала въ кухню подѣлиться своими впечатлѣніями съ кухонной кошкой.

— Знаешь, у насъ затѣвается свадьба! — сказала она ей. — Руди цѣлый вечеръ наступалъ своей ногой на ногу Бабетѣ, а это вѣрный знакъ, что они влюблены другъ въ друга. Но весь вопросъ въ томъ, что скажетъ старый мельникъ, когда узнаетъ объ этомъ?

Да, что скажетъ старый мельникъ? Объ этомъ Руди думалъ цѣлую ночь. И этотъ вопросъ такъ волновалъ его, что онъ на слѣдующій же день одѣлъ свою новую пару и снова отправился на мельницу. Онъ хотѣлъ узнать у самого мельника, что онъ скажетъ объ этомъ. Пока что, онъ шелъ веселый, полный самыхъ радостныхъ надеждъ. Что-то онъ будетъ чувствовать, когда будетъ возвращаться назадъ?

— Ну и дѣла, скажу я тебѣ! — говорила вечеромъ комнатная кошка кухонной. — Слушай. Сегодня опять явился Руди. Мельника не было дома, и сначала онъ все время сидѣлъ вдвоемъ съ Бабетой. Шептались, шептались они другъ съ другомъ, а потомъ Руди и говоритъ:

— Ну, я пойду на мельницу и расскажу ему все. Такъ будетъ лучше.

— И я съ тобой! — сказала Бабета. — Тебѣ будетъ не такъ страшно.

— Ну, смѣлости-то у меня довольно и такъ! Однако, пойдемъ, если хочешь.

И они пошли. Вотъ тутъ-то и началось самое интересное. Мельникъ сначала слушалъ молча, а потомъ, какъ накинется на Руди.

— Пошелъ вонъ! Ступай въ горы, стрѣлай тамъ своихъ сернъ и оставь въ покоѣ нашу Бабету! — закричалъ онъ.

— Ну, а что же они? — спросила кухонная кошка.

— Они? Да извѣстно что! «Я люблю ее!» «Она любитъ меня!» Да «если есть въ кринкѣ молоко для одного, то хватить и для двоихъ!»

— Да, но она сидитъ слишкомъ высоко для тебя! — сказалъ мельникъ. — Она сидитъ высоко на золотомъ мѣшкѣ.

— Ничто не бывает такъ высоко, чтобы нельзя было достать его. Все можно достать, если только захочешь! — отвѣчалъ Руди.

— А орленокъ? — возразилъ мельникъ. — Самъ же ты говорилъ, что орленка достать нельзя. Такъ вотъ моя Бабета сидитъ такъ же высоко, какъ орленокъ, и даже выше!

— Ладно, я достану ихъ обоихъ! И орленка, и Бабету! Удивительно смѣлый этотъ Руди!

— Хорошо! Если ты принесешь мнѣ орленка, то я отдамъ за тебя Бабету. — И мельникъ до слезъ хохоталъ надъ этимъ условіемъ.

— Ну, а теперь прощай, Руди! — сказалъ мельникъ. — Спасибо, что ты зашелъ къ намъ. Но если ты зайдешь завтра, то насъ не будетъ дома!

И мельникъ принялся снова хохотать.

А Бабета простилась съ Руди тихо-тихо, и слезы ручьемъ текли изъ ея глазъ.

— Не плачь, Бабета! — сказалъ Руди. — Слово дано, а я силенъ и смѣлъ! Я принесу орленка!

И съ этими словами Руди вышелъ.

— Авоось, ты свернешь себѣ тамъ голову! — крикнулъ вдогонку мельникъ. — Это, по крайней мѣрѣ, избавитъ насъ отъ дальнѣйшихъ хлопотъ!

И мельникъ принялся ходить по комнатѣ и свистать нѣмецкія пѣсни, а Бабета забилась въ уголъ и принялась плакать.

— Какъ грустно все это! — сказала кухонная кошка, выслушавъ разсказъ.

— Ну, еще неизвѣстно, чѣмъ кончится это! — возразила комнатная и, пожелавъ другъ другу покойной ночи, онѣ разошлись.

VII.

Орлиное гнѣздо.

Въ горахъ раздается веселая громкая пѣсня. Хорошо, должно быть, живетъ человѣку, который можетъ такъ громко и весело пѣть.

А поетъ это Руди. Онъ идетъ къ своему товарищу.

— Слушай, Безинадъ! — говорить онъ. — Ты и Рагли должны помочь мнѣ. Я долженъ достать орленка.

— Достань прежде пятна съ мѣсяца — это будетъ не труднѣе! — сказала Безинадъ. — Ты, кажется, въ веселомъ расположеніи духа?

— Конечно! Я скоро собираюсь сыграть свою свадьбу; однако, шутки въ сторону! Слушай, чего я хочу.

И скоро Безинадъ и Рагли знали въ чемъ дѣло.

— Ну, хоть и смѣлый ты парень, — сказали они, — а на этотъ разъ ты уже навѣрно свернешь себѣ шею.

— Никогда не случится этого, если не будешь думать, что это можетъ случиться!

Ровно въ полночь отправились они въ путь, захвативъ съ собой лѣстницы и канаты. Они шли, пробираясь сквозь кусты, цѣпляясь за камни, все выше и выше въ темную ночь. Было слышно, какъ въ глубинѣ ревѣла вода, наверху гдѣ-то шумѣлъ ураганъ, а по небу быстро неслись тяжелыя тучи. Наконецъ, они дошли до самыхъ крутыхъ утесовъ; здѣсь скалы почти сходились другъ съ другомъ, и только гдѣ-то далеко вверху блестѣла сквозь расщелину узкая голубая лента неба. Прямо подъ ихъ ногами зіяла черная бездна, и шумъ текущей внизу воды доносился до нихъ.

Здѣсь они сѣли на камень и стали ждать солнечнаго восхода. Имъ нужно было дождаться, когда вылетитъ изъ гнѣзда орелъ, чтобы убить его. Только послѣ этого можно было думать о томъ, какъ достать орленка,

Руди сидѣлъ неподвижно, какъ скала. Въ рукахъ онъ держалъ наготовѣ ружье съ приподнятымъ куркомъ, и пристальнымъ немигающимъ взглядомъ глядѣлъ на расщелину, гдѣ висѣло орлиное гнѣздо. Долго ждали охотники.

Вдругъ надъ ними раздался сильный шумъ, и большое колеблющееся тѣло закрыло расщелину. Въ ту же минуту раздались два выстрѣла. Нѣкоторое время тѣло оставалось неподвижнымъ, но потомъ съ шумомъ покатилося внизъ въ пропасть, ломая кусты и вѣтви деревьевъ.

Теперь охотники начали новое дѣло. Они крѣпко связали три самыя длинныя лѣстницы, и поставили ихъ, укрѣпивъ въ самомъ прочномъ мѣстѣ на краю пропасти. Но лѣстницы далеко не доставали до гнѣзда: между послѣдней ступенькой и выступомъ, надъ которымъ висѣло орлиное гнѣздо, оставался еще большой кусокъ совершенно гладкой отвѣсной стѣны.

Охотники стали держать совѣтъ. Наконецъ, рѣшили спустить сверху еще двѣ связанныхъ лѣстницы и привязать ихъ къ тремъ, которыя поднимались книзу.

Съ великимъ трудомъ втащили они лѣстницы наверхъ и крѣпко привязали ихъ тамъ веревками. Затѣмъ спустили ихъ въ расщелину, и вотъ уже онѣ висятъ надъ пропастью. А на самой нижней ступенькѣ ихъ сидитъ Руди.

Утро было очень холодное, и густой туманъ подымался изъ пропасти. Руди висѣлъ въ воздухѣ на своей лѣстницѣ, напоминая муху на тонкой соломинкѣ, которую птица занесла на край высокой фабричной трубы. Но если соломинка упадетъ, то муха можетъ улетѣть. Руди же могъ только слетѣть въ бездонную пропасть.

Съ большимъ трудомъ удалось ему связать вмѣстѣ все пять лѣстницъ; за то онѣ хватили, какъ разъ, до самаго гнѣзда.

Но теперь предстояло самое трудное. Нужно было карабкаться вверхъ по лѣстницѣ, подобно кошкѣ. Но Руди это-то вѣдь и умѣлъ, какъ разъ. Недаромъ же его учителемъ былъ старый котъ.

И онъ быстро полѣзъ. А за нимъ по пятамъ лѣзло Головокруженіе, протягивая къ нему свои страшныя лапы. Но оно ничего не могло сдѣлать съ нимъ.

Вотъ Руди уже на самомъ верху, на послѣдней ступенькѣ. Но здѣсь Руди увидалъ, что онъ еще не можетъ взглянуть въ гнѣздо, что онъ можетъ только достать рукой до вѣтокъ, которыя составляли основаніе гнѣзда. Тогда онъ попробовалъ, крѣпко ли укрѣплены вѣтки. Убѣдившись въ ихъ крѣпости, онъ ухватился за нихъ обѣими руками и, прыгнувъ, налегъ на нихъ.

Теперь его голова была надъ гнѣздомъ. Но здѣсь его ждала новая опасность. Гнѣздо было полно гніющими останками сернъ, козъ и другихъ животныхъ, которыхъ натаскалъ сюда орель.

Тогда Головокруженіе снова попыталось одолѣть Руди; оно пахнуло ему въ лицо удушливымъ ядовитымъ газомъ, желая одурманить его.

А внизу, на самомъ днѣ пропасти, на быстро несущихся водахъ сидѣла Ледяница. Ея зеленые волосы развѣвались по вѣтру, а ея глаза глядѣли убійственнымъ холоднымъ взглядомъ на Руди.

— Теперь-то я поймаю тебя!

Въ самомъ углу гнѣзда сидѣлъ большой, сильный орленокъ. Онъ еще не могъ летать. Руди изо всѣхъ силъ налегъ на свою лѣвую руку, а правой забросилъ на орленка петлю. Затѣмъ быстрымъ движеніемъ перекинулъ веревку черезъ плечо, такъ что орленокъ повисъ значительно ниже его.

Цѣпляясь за спускавшійся сверху канатъ, которымъ были привязаны лѣстницы, Руди добрался до верхней ступеньки.

— Держись крѣпче! Никогда не упадешь, если не будешь бояться!

И Руди крѣпко держался своими сильными цѣпкими руками.

Еще минута, и онъ уже на твердой скалѣ съ живымъ орленкомъ въ рукахъ. Радостными криками встрѣтили его товарищи.

VIII.

Что новаго рассказала комнатная кошка.

— Вотъ вамъ то, чего вы желали! — сказалъ Руди, входя въ комнату къ мельнику и ставя на полъ большую корзину.

Когда онъ сдернулъ платокъ, покрывавшій ее, то оттуда выглянули два желтыхъ глаза, окаймленные черными кругами. Эти глаза такъ сердито блестѣли, какъ-будто хотѣли съесть или крѣпко укусить все, на что взглядывали.

— Орленокъ! — воскликнулъ мельникъ. А Бабета даже не могла слова вымолвить отъ удивленія и молча переводила глаза съ орленка на Руди и обратно.

— Однако, ты малый не робкій! Тебя не запугаешь! — сказалъ мельникъ.

— Теперь ваша чередъ! — сказалъ Руди. — Я сдержалъ свое слово; держите и вы свое!

— А почему ты не сломалъ себѣ шеи?

— Я крѣпко держался! — отвѣтилъ Руди. — Такъ же я сдѣлаю и сейчасъ: я крѣпко буду держаться за Бабету!

— Ну, это еще вопросъ, получишь ли ты Бабету! — сказалъ мельникъ и разсмѣялся.

А это былъ очень хорошій знакъ.

— Однако, покажи намъ, какъ слѣдуетъ, твоего орленка и Расскажи, какъ ты досталъ его.

И Руди долженъ былъ нѣсколько разъ подрядъ рассказать свою исторію, до самыхъ мельчайшихъ подробностей.

Мельникъ только глаза таращилъ, слушая его, а когда онъ кончилъ, то хлопнулъ его по плечу и воскликнулъ.

— Ну, съ такой отвагой ты и трехъ женъ прокормишь!
— Знаешь, вѣдь Руди принесъ-таки орленка! — говорила вечеромъ того же дня комнатная кошка кухонной. — И мельникъ отдаетъ за него Бабету. Сегодня они поцѣловались при немъ, а это все равно, что обрученіе! И теперь они сидятъ вдвоемъ въ комнатѣ Бабеты и безъ умолку говорятъ о чемъ-то. У нихъ столько разсказовъ другъ для друга, что они до самого Рождества не переговорятъ всего.

И кошка была права. Уже наступила зима, въ горахъ завывали снѣжные метели, и могучая Ледяница носилась по снѣжнымъ полямъ и на вершинахъ горъ. А Руди каждый день являлся въ Бенсъ на мельницу и просиживалъ тамъ долгіе зимніе вечера. Они рѣшили обвѣнчаться будущимъ лѣтомъ.

— И чего они постоянно сидятъ рядомъ, держась за руки? — говорила комнатная кошка. — До смерти надоѣло мнѣ ихъ безконечное мяуканье.

IX.

Л е д я н и ц а .

И вотъ, снова наступила весна. Она одѣла землю зеленымъ покрываломъ, сотканнымъ изъ листвы орѣховыхъ и каштановыхъ деревьевъ. Какъ нѣжно было это покрывало, какъ красиво отбѣняло оно свѣтлую Рону!

Изъ-подъ зеленого глетчера, у самого дворца Ледяницы беретъ она свое начало. Оттуда низвергается она бурнымъ потокомъ въ зеленую долину. И тамъ на ея истокахъ Ледяница царить полновластно.

Она приказываетъ вѣтру поднять себя на самыя высокія снѣжные поля и, расправляя свои гибкіе члены, ложится на

мягкую перину снѣга подъ яркіе лучи солнца. И, лежа, она глядитъ въ глубокія долины, гдѣ трудолюбиво копошатся на скалахъ люди, маленькіе, какъ муравьи.

— Дочери солнца называютъ ихъ «силы духа!» — говоритъ Ледяница. — Жалкіе черви они и больше ничего! Простой снѣжный комъ, катящійся съ горъ, раздробляетъ въ мелкіе куски ихъ дома и сравниваетъ съ землей ихъ города и деревни!

И Ледяница поднимаетъ свою гордую голову и смотритъ кругомъ и въ долины своими глазами, приносящими смерть.

Изъ долины доносится гулъ взрыва, — рушатся скалы: дѣло человѣческихъ рукъ; они пробиваютъ туннель для желѣзной дороги.

— Это они забавляются! — говоритъ Ледяница. — Они роютъ подземные ходы, и потому этотъ трескъ, похожій на ружейные выстрѣлы. Когда я передвигаю свои дворцы, грохотъ бываетъ посильнѣе!

Изъ долины доносится дымъ и колеблется въ горномъ воздухѣ подобно легкой вуали. Это дымъ локомотива. Онъ быстро мчится, и за нимъ, извиваясь, какъ змѣя, вьются вагоны.

— Они играютъ въ господа и повелителей — эти «силы духа!» — презрительно говоритъ Ледяница. — Но пока что силы природы господствуютъ надъ ними. Мы настоящіе владыки земли!

И она смѣется и поетъ, и грохотъ разносится по долинамъ отъ ея смѣха.

— Вотъ катится лавина! — говорятъ въ долинахъ.

Но еще громче, чѣмъ ея смѣхъ, звучатъ пѣсни дочерей солнца. Онѣ поютъ про могущество человѣческой мысли, которая накладываетъ ярмо на море, передвигаетъ горы, заселяетъ долины; про человѣческую мысль, которая владычествуетъ надъ силами природы.

Черезъ снѣжное море, на которомъ сидитъ Ледяница, проходитъ компанія путешественниковъ. Они всѣ связаны

другъ съ другомъ веревками, чтобы крѣпче держаться на скользкой поверхности льда надъ страшными пропастями.

— Жалкіе черви! Вы — повелители міра! — и она съ презрительнымъ смѣхомъ отвертывается отъ путешественниковъ и глядитъ въ долину. — Тамъ снова мчится поѣздъ.

— Вонъ онѣ сидятъ тамъ, эти мысли, — говоритъ Ледяница. — Онѣ все во власти силъ природы! Я вижу каждого изъ нихъ въ отдѣльности! Вонъ этотъ сидитъ такъ гордо одинъ, какъ король. А тамъ набилось въ одну конуру нѣсколько штукъ, и половина изъ нихъ спитъ. А когда этотъ желѣзный драконъ остановится, они все выльзаютъ и расходятся по всемъ направленьямъ. «Мысли» расплываются по свѣту!

И она смѣется.

— Слышите, опять лавина! — говорятъ внизу въ долинь.

— Она ничего не сдѣлаетъ намъ! — сказали двое, сидѣвшіе на спинѣ огненного дракона. Ихъ сердца бились, какъ одно. Это были Руди и Бабета. Мельникъ тоже былъ съ ними.

— Вмѣсто багажа! — со смѣхомъ говорилъ онъ. — Полезное къ пріятному!

— Вонъ сидятъ двое! — говоритъ Ледяница. — Много сернъ раздавила я, миллионы альпійскихъ розъ блекли и завадали отъ моего дыханія. — Я раздавлю и ихъ, эти «силы духа!»

И она смѣется!

— Еще лавина! — говорятъ въ долинь.

Х.

Крестная мать.

Около Женевского озера лежитъ городокъ Монтре. Въ немъ жила крестная мать Бабеты — знатная англійская леди. Мельнику какъ-то пришлось по своимъ дѣламъ побывать

въ Монтре, и онъ не утерпѣлъ и зашелъ къ ней сообщить о помолвкѣ Бабеты. При этомъ онъ, конечно, подробно рассказаль про Руди, про молодого орленка и про многое другое.

Леди пожелаала непременно увидать и Бабету, и Руди, и мельникъ долженъ былъ обѣщать, что онъ привезетъ ихъ въ Монтре.

И вотъ уже они всѣ трое сидятъ на маленькомъ пароходикѣ, который быстро мчитъ ихъ внизъ по Ронѣ. Бабета всю дорогу восторгалась берегами Роны, но Руди былъ почему-то задумчивъ и молчаливъ.

Имъ былъ оказанъ самый радушный приемъ. И сама крестная мать, и ея двѣ дочери — приличныя, тонкія, длинныя англичанки все время усиленно ухаживали за Руди.

Тутъ былъ еще двоюродный братъ дѣвицъ, молодой джентльменъ. Онъ былъ одѣтъ во все бѣлое и имѣлъ огромныя рыжія бакенбарды. Онъ главнымъ образомъ ухаживалъ за Бабетой. И это почему-то совсѣмъ не нравилось Руди.

Ему вообще не нравилось здѣсь. Его тянуло на свободу въ синѣвшія тамъ, вдалекѣ, горы, а тутъ онъ долженъ былъ чопорно выступать рядомъ съ другими.

Они всѣ ходили гулять и осматривали Шильонскій замокъ. Осматривали со всей тщательностью, строго слѣдуя указаніямъ путеводителя, не пропуская ни одной мелочи. Руди становилось еще скучнѣе отъ этого.

— «Что за удовольствіе осматривать мѣсто, гдѣ прежде пытали людей?» — думалъ онъ.

Напротивъ, Бабетѣ было очень весело. Она была въ восторгѣ отъ двоюроднаго брата.

— Это само совершенство! — сказала она Руди.

— А по-моему, онъ самый совершенный болванъ! — съ раздраженіемъ въ голосѣ сказалъ Руди.

Но Бабета только засмѣялась и пошла къ англичанину. На прощанье онъ подарилъ ей книжку на память объ этой прогулкѣ. Это былъ «Шильонскій узникъ» — поэма Байрона.

— Можетъ быть, и хорошая книга, да самъ-то онъ болванъ! — сказалъ Руди, взглянувъ на книгу.

— Онъ точно мучной мѣшокъ безъ муки! — сказали мельникъ, и Руди вполне согласился съ его мнѣніемъ. А Бабета?

Черезъ нѣсколько дней послѣ поѣздки въ Монтре, Руди пришелъ на мельницу и засталъ тамъ молодого англичанина. Въ ту минуту, какъ Руди входилъ въ комнату, Бабета подавала ему варенныя форели. Это было плохо. Но еще хуже было то, что Бабета собственноручно обложила форели петрушкой, чтобы онъ выглядѣли вкуснѣе.

Лицо Руди сразу сдѣлалось мрачнымъ, какъ ночь. Онъ съ удовольствіемъ выбросилъ бы англичанина изъ окошка. Однако, онъ не сдѣлалъ этого, а молча прошелъ черезъ комнату и сѣлъ въ уголь.

А Бабетѣ это-то и нравилось больше всего. Странно! Она любила Руди больше всего на свѣтѣ, больше жизни, больше солнечнаго свѣта, но въ эту минуту ей ничего не было пріятнѣе, какъ видѣть сердитые взоры, которые онъ бросалъ на нее. И она принялась еще больше ухаживать за англичаниномъ.

Наконецъ, Руди не вытерпѣлъ и, хлопнувъ дверью, ушелъ съ мельницы. И какъ только онъ вышелъ, англичанинъ потерялъ всякій интересъ для Бабеты. Простившись съ нимъ, она отправилась въ свою комнату, собираясь лечь спать.

Англичанину передъ сномъ вздумалось прогуляться. Онъ вышелъ изъ комнатъ и началъ расхаживать по плотинѣ. Вдругъ ему пришла въ голову довольно-таки нелѣпая мысль. Окно Бабеты было еще освѣщено, и какъ разъ противъ окна стоялъ высокій старый кленъ. Не долго думая, англичанинъ взобрался на него и, усѣвшись на вѣткѣ прямо противъ окна Бабеты, усердно принялся кричать по-совиному. Это было неумно, но, вѣдь, Бабета такъ ухаживала за нимъ!

А дѣвушка, услышавъ совиный крикъ, выглянула изъ

окна и окаменѣла отъ изумленія и гнѣва, увидѣвъ прямо противъ себя рыжія бакенбарды англичанина.

«Хорошо, что Руди нѣтъ на мельницѣ!» промелькнуло въ головѣ дѣвушки.

Но нѣтъ, Руди былъ на мельницѣ. Больше того, онъ стоялъ подѣ тѣмъ деревомъ, гдѣ сидѣлъ англичанинъ. Его кулаки были сжаты, а глаза сверкали ненавистью.

— Что это? Шумъ, крики, брань? Онъ убьетъ его! И, высунувшись изъ окна, Бабета крикнула Руди, чтобы онъ сейчасъ же уходилъ.

— Какъ, мнѣ уходить? — крикнулъ Руди. — Такъ вы, значить, условились? Стыдно тебѣ, Бабета!

— Ты противный, Руди! — кричала Бабета. — Уходи, я не люблю тебя, я ненавижу тебя!

Руди ушелъ. Его щеки пылали, какъ огонь, а сердце жарче всякаго огня.

А Бабета бросилась на постель и горько заплакала.

— Я такъ любила тебя, Руди, а ты можешь подозревать меня. Какъ это дурно съ твоей стороны!

Но она недолго плакала. Крѣпкій сонъ здоровья и молодости скоро прекратилъ ея слезы.

XI.

Злые силы.

Выйдя съ мельницы, Руди отправился въ горы. Долго бродилъ онъ тамъ, поднимаясь все выше и выше. Шелъ сильный дождь, и кругомъ не было ни одного сухого мѣстечка.

А онъ вдругъ почувствовалъ какую-то страшную усталость. Ему хотѣлось лечь и забыть обо всемъ на свѣтѣ. Какія-

то болѣзненные ощущенія время отъ времени пронизывали все его тѣло. Къ тому же кругомъ было такъ холодно и сыро; густой туманъ окутывалъ все кругомъ, а дождь лилъ, какъ изъ ведра.

Руди поднялся уже до снѣжныхъ полей и хотѣлъ повернуть назадъ, какъ вдругъ замѣтилъ подлѣ себя дѣвушку. Странная это была дѣвушка. Она кого-то напоминала Руди: не то Аннету, ту Аннету, которую онъ поцѣловалъ когда-то во время танцевъ, не то ту дѣвушку, которую онъ встрѣтилъ въ горахъ, возвращаясь изъ Интерлакена.

— Что ты тутъ дѣлаешь? — спросилъ онъ ее.

— Я пасу свое стадо, — отвѣтила она.

Руди захохоталъ. — Да гдѣ же здѣсь можно пасти стадо? — сказалъ онъ. — Здѣсь только одинъ снѣгъ да голыя скалы!

— Напрасно ты думаешь такъ! — возразила дѣвушка. — Здѣсь немного пониже есть хорошее пастбище! Пойдемъ, я покажу его тебѣ!

— Нѣтъ ли у тебя молока? — спросилъ Руди. — Меня томить жажда.

— Хочешь вина? У меня есть чудесное вино. — И дѣвушка протянула Руди бутылку съ виномъ.

Огонь пробѣжалъ по всему тѣлу Руди, когда онъ отхлебнулъ изъ бутылки. Вся усталость пропала, и горячая жизнь бурно забила въ груди.

— Поцѣлуй меня! — сказалъ онъ дѣвушкѣ.

— Ладно! Только отдай мнѣ сперва то кольцо, что у тебя на пальцѣ.

— Какъ? Мое обручальное кольцо? — воскликнулъ Руди и еще разъ хлебнулъ изъ бутылки.

Какая-то необычайная жгучая радость разлилась по его тѣлу. «Весь міръ принадлежитъ мнѣ!» подумалъ Руди и взглянулъ на дѣвушку. «Теперь она была больше похожа на

Аннету и меньше на ледяной призракъ у Гриндель-вальда».

— Да ты хорошенькая! — воскликнул онъ и, притянувъ къ себѣ дѣвушку, взглянулъ въ ея глубокіе, ясные глаза.

Одно мгновеніе глядѣлъ Руди въ эти глаза, но кто сможетъ разсказать, что онъ увидѣлъ тамъ! Голубовато-зеленныя ледяныя стѣны, по которымъ со звономъ стекала чистая ледяная вода, сверкающая зеленоватымъ пламенемъ, бездонныя, безконечныя пропасти, блестящіе ледяные дворцы — все это мгновенно промелькнуло передъ его глазами.

А въ слѣдующее мгновеніе дѣвушка поцѣловала его прямо въ губы; холодомъ прошелъ этотъ поцѣлуй черезъ все тѣло Руди, ледянымъ, смертельнымъ холодомъ. Голова его закружилась, глаза закрылись, и онъ, глухо вскрикнувъ, упалъ на землю.

Черезъ минуту онъ раскрылъ глаза. Дѣвушки уже не было. Кругомъ стоялъ густой туманъ. Дождь ливня лилъ, и Руди промокъ до костей. Онъ дрожалъ отъ холода и сырости. Когда онъ взглянулъ на свою руку, то замѣтилъ, что потерялъ обручальное кольцо, которое дала ему Бабета.

Онъ собралъ послѣдніе остатки силъ и побрелъ домой.

А Бабета сидѣла на мельницѣ и горько, горько плакала. Уже третій день, какъ Руди не кажетъ глазъ. Руди, котораго она такъ сильно любила, и который такъ виноватъ передъ ней!

ХII.

На мельницѣ.

Руди много думалъ надъ тѣмъ, что съ нимъ случилось въ горахъ. И что это было? Призракъ или лихорадочный бредъ? Но вѣдь у Руди никогда не бывало никакой лихорадки.

И чѣмъ больше думалъ Руди, тѣмъ больше чувствовалъ себя виноватымъ передъ Бабетой. Онъ поцѣловалъ эту дѣвушку! И къ тому же потерялъ обручальное кольцо.

А Бабета, развѣ она виновата въ чемъ-нибудь? И Руди вспоминалъ ея открытые свѣтлые глаза, ея веселый простодушный смѣхъ, ямки на ея подбородкѣ! И чѣмъ больше вспоминалъ Руди, тѣмъ больше убѣждался, что Бабета ни въ чемъ не виновата. Виноватъ во всемъ только одинъ онъ.

И Руди пошелъ на мельницу. Объясненіе началось поцѣлуемъ, и кончилось тоже поцѣлуемъ. Руди, дѣйствительно, былъ кругомъ виноватъ, и ему прочли маленькую проповѣдь. Эта проповѣдь очень шла къ Бабетѣ и доставила ей не мало удовольствія. Впрочемъ, Руди тоже не меньше.

Но Бабета съ своей стороны тоже сдѣлала кое-какія уступки и согласилась, что англичанинъ набитый дуракъ. Она даже хотѣла сжечь книжку, которую онъ подарилъ ей.

День ихъ свадьбы былъ уже недалекъ. Всего нѣсколько дней осталось до него — этого счастливѣйшаго дня ихъ жизни! Свадьба должна была состояться въ Монтре — такъ хотѣла крестная мать Бабеты, и мельникъ настоялъ, чтобы ея желаніе было исполнено.

И вотъ, наступилъ канунъ того дня, когда нужно было ѣхать. Руди и Бабета въ послѣдній вечеръ сидѣли на мельницѣ женихомъ и невѣстой.

Альпы горѣли алымъ заревомъ, въ вечернемъ воздухѣ разносился звонъ колоколовъ, и дочери солнца пѣли радостную веселую пѣсню:

— Да сбудется все лучшее!

А потомъ солнце зашло, и наступила темная ночь.

Небо все покрылось темными тучами, и южный африканскій вѣтеръ пронесся надъ Альпами. Онъ разорвалъ облака, громоздилъ ихъ одно на другое, и скоро все небо покрылось фантастическими фигурами. А внизу быстро бѣжала темная рѣка, унося съ собой вырванные съ корнемъ деревья и кусты.

Временами на поверхности воды появлялись круги. Это играло Головокруженіе со своими сестрами. А впереди на вырванной съ корнемъ ели неслась внизъ по теченію Ледяница.

— Ъдутъ свадебные гости! Ъдутъ гости на свадьбу! — шумѣло и гремѣло въ водѣ и воздухѣ.

А Бабетѣ въ эту ночь приснился странный сонъ. Ей снилось, что она уже много лѣтъ замужемъ за Руди. Однажды, когда онъ былъ на охотѣ за сернами, къ ней явился молодой англичанинъ съ рыжими бакенбардами. Онъ куда-то позвалъ Бабету, и въ его словахъ было столько силы, что Бабета противъ воли пошла за нимъ. Они шли долго, и Бабетѣ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе на душѣ. Сознаніе своей вины угнетало ее.

Вдругъ она увидѣла, что она одна; колючій кустарникъ разорвалъ въ клочья ея платье, волосы ея сдѣлались сѣдыми. Съ испугомъ озиралась она кругомъ и внезапно прямо передъ собой на высокой скалѣ увидѣла Руди. Она протянула къ нему свои руки, собираясь молить о помощи, но тутъ же замѣтила, что это не Руди, а только его сюртукъ и шляпа, повѣшенные на палку. Безграничная горечь наполнила сердце Бабеты, и она воскликнула: «О, зачѣмъ я не умерла въ день свадьбы, этотъ счастливѣйшій день моей жизни? Это было бы величайшимъ счастьемъ и для меня и для Руди! Никто не знаетъ своего будущаго!» И съ этими словами Бабета бросилась въ пропасть и проснулась. Въ окно свѣтило горячее солнце, и его лучи быстро изгладили воспоминаніе о тяжеломъ снѣ.

Черезъ часъ трое счастливыхъ людей ѣхали въ Монтре. Это были счастливый Руди, счастливая Бабета и счастливый мельникъ.

XIII.

К о н е ц ъ .

До вечера было еще далеко, когда наши путники достигли Вильнева. Они зашли въ первую попавшуюся гостиницу и плотно пообедали тамъ. Послѣ обѣда мельникъ усеялся поуютнѣе съ своей трубочкой въ кресло и скоро задремалъ.

А молодая пара, воспользовавшись этимъ, отправилась бродить по городу. Скоро они вышли изъ него и пошли вдоль берега озера между скаль, поросшихъ кустарникомъ. Мрачный Шильонскій замокъ отражалъ свои старыя сѣрыя стѣны въ зеленомъ озерѣ. Совсѣмъ недалеко отъ берега лежалъ маленький островокъ съ тремя акаціями и казался букетомъ цвѣтовъ среди воды.

— Тамъ, должно-быть, очень хорошо! — сказала Бабе-та, указывая на островокъ.

Отчего бы и не съѣздить туда? Это было нетрудно исполнить, такъ какъ у берега стояла маленькая лодочка. Правда, на берегу не было видно никого, у кого можно было спросить позволенія воспользоваться ею, но вѣдь въ крайнемъ случаѣ можно и безъ позволенія.

Руди умѣлъ грести, и уже черезъ нѣсколько минутъ они были на островѣ. Островокъ былъ совсѣмъ крошечный; здѣсь было ровно столько мѣста, сколько нужно, чтобы протанцовать вдвоемъ. Руди подхватилъ Бабету, и сдѣлалъ съ ней два тура по острову. А потомъ они сѣли рядомъ и стали смотрѣть другъ-другу въ глаза.

Заходящее солнце бросало свои золотые лучи на все окружающее. Горныя ели окрашивались въ фіолетовый цвѣтъ, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ели кончались, и начинались голыя скалы, этотъ цвѣтъ былъ такъ рѣзокъ, словно скалы были прозрачныя. Облака на небѣ пылали краснымъ огнемъ, и по гладкой поверхности озера скользили розовый цвѣтъ. Когда же

покрытыя снѣгомъ Савойскія горы бросили на него свою тѣнь, оно потемнѣло и сдѣлалось темно-голубымъ. Только самыя высокія вершины продолжали еще свѣтиться, точно огненно-красная лава.

Руди и Бабета никогда еще не видѣли такого заката.

— Такъ много красоты, такъ много счастья! — говорили они.

А Руди добавилъ:

— Земля ничего не можетъ больше дать мнѣ! Одинъ такой вечерній часъ стоитъ цѣлой жизни. Часто чувствовалъ я свое счастье такъ, какъ вотъ сейчасъ. И тогда я думалъ: пусть кончится все этой минутой. Но приходилъ новый день и приносилъ еще большее счастье. Какъ безконеченъ и прекрасенъ міръ!

— Какъ хорошо! — восклицали они оба.

— Земля ничего не можетъ мнѣ дать больше! — ликовалъ Руди.

— Боже мой! Лодка! — вдругъ перебила его Бабета. Дѣйствительно, лодка отвязалась и, слегка покачиваясь, плыла по волнамъ.

— Я достану ее! — вскричалъ Руди и, сбросивъ съ себя пиджакъ и обувь, кинулся въ озеро.

Глубока и холодна была зеленая вода, берущая свое начало у глетчера. Руди взглянулъ въ глубину и увидѣлъ тамъ золотое кольцо, которое, мерцая, катилось подъ нимъ. Ему сейчасъ же вспомнилось потерянное имъ обручальное кольцо.

А то кольцо тамъ въ водѣ расло и расширялось въ сверкающій кругъ, и въ серединѣ его блистала яркій глетчеръ. Безконечныя, бездонныя пропасти разстилались кругомъ, и вода стекала въ нихъ, струясь по камнямъ и звеня, какъ колокольчикъ. И каждая капля сверкала голубоватымъ пламенемъ.

Въ одно мгновенье Руди увидѣлъ то, что намъ приходится рассказывать такъ долго: охотники и охотницы, мужчины и женщины, когда-либо потонувшіе въ пропастьяхъ глетчеровъ,

стояли здѣсь, ожившіе, съ сверкающими глазами. А глубоко подъ ними раздавался колокольный звонъ, доходившій изъ погребенныхъ городовъ. Прихожане стояли на колѣняхъ, ледяныя сосульки образовывали органныя трубы, а низвергающійся горный потокъ игралъ на органѣ.

На свѣтломъ прозрачномъ днѣ сидѣла Ледяница. Она поднялась къ Руди и поцѣловала его ноги. Ледяная, смертельная дрожь пронизала всѣ его члены! Словно электрическій ударъ, ледъ и огонь вмѣстѣ.

— Мой! Мой! — звучало въ немъ и кругомъ него.

— Я цѣловала тебя въ губы, когда ты былъ еще ребенкомъ! Теперь я цѣлую тебя въ ноги! Теперь ты весь мой!

И Руди исчезъ въ прозрачной голубоватой водѣ. Все стало тихо, колокольный звонъ умолкъ, послѣдніе звуки его умерли вмѣстѣ съ исчезнувшимъ сіяніемъ пурпурныхъ облаковъ.

— Ты мой! — звучало въ глубинѣ. — Мой! — звучало въ вышинѣ. — Мой, — доносилось изъ безконечности.

Какъ это прекрасно! Летѣть отъ любви къ любви, отъ земли къ небу.

Неужели ты назовешь это печальной исторіей?

— Бѣдная Бабета! Невыразимый ужасъ охватилъ ее. Лодка уносила все дальше и дальше. На берегу никто не зналъ, что женихъ и невѣста поплыли на островъ.

Становилось темнѣе. Тучи покрыли небо, скоро ночь.

Полная отчаянія и горя, одинокая стояла она на островкѣ.

Приближалась непогода, молніи начали разрывать тучи, освѣщая Савойскія горы. Удары грома слѣдовали непрерывно одинъ за другимъ. Свѣтъ молній былъ такъ ослѣпительнъ, что можно было различить все, какъ днемъ. Наконецъ, онѣ стали сверкать непрерывно, и все небо превратилось въ клубокъ переплетающихся свѣтящихся змѣй.

На берегу втаскивали лодки на землю, все живое стремилось укрыться подъ кровлей.

— Куда могли запропасться Руди и Бабета въ такую отвратительную погоду? — думаль мельникъ.

А Бабета сидѣла на островѣ, подавленная горемъ.

— Тамъ въ этой глубокой водѣ! — говорила она. — Глубоко внизу, на днѣ глетчера!

И Бабета вспомнила, какъ Руди рассказывалъ ей про смерть своей матери, про то, какъ его самого едва вырвали изъ объятій ледяницы.

— Снова онъ достался ей!

Въ это мгновеніе озеро поднялось, какъ сверкающій глетчеръ. На немъ стояла Ледяница величественная, сіяющая блѣдно-голубымъ свѣтомъ, и у ея ногъ лежалъ трупъ Руди.

— Мой! — сказала она.

И снова непроницаемый мракъ окуталъ все кругомъ, и громъ гулкимъ эхомъ перекатывался по горамъ.

— Ужасно! — рыдала Бабета. — Зачѣмъ долженъ былъ онъ умереть прежде, чѣмъ пришелъ день нашего счастья?

И вдругъ вспомнила она слова Руди: «Земля ничего не можетъ мнѣ дать больше!» Но тогда эти слова звучали радостью и торжествомъ, а теперь безграничное отчаяніе пронизало ихъ. Оно сидѣло рядомъ съ Бабетой и терзало ея бѣдное сердце.

